

АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ

И НЕФТЬ, И ГАЗ, И ЧЁРНАЯ ИКРА

РАССКАЗ

Лучше водки хуже нет.
В. С. Черномырдин

Подобные истории почему-то случаются только с пьяными писателями.

Однажды в канун Нового года прозаик Александр Егерь задержался в Союзе писателей, где выставили угощенье. Бутербродов и огурцов с помидорами, как водится, оказалось мало, и они быстро кончились, водки — очень много, и она еще некоторое время прожила после похорон закуски.

А главное, шли интереснейшие литературные споры, какое еще имущество бывшего Союза писателей СССР захапали себе те или иные руководители разных новых творческих организаций. Но и эти высокодуховные беседы иссякли. Тут Егерь вспомнил, что его пригласило на предновогодний банкет руководство издательства “Романное время”. Он глянул на экран мобильного и увидел, что там всё уже полтора часа, как началось, и он поспешил. Другой прозаик Сергей Сахалинцев смело заявил, что составит ему компанию, дабы с Егерем ничего не случилось.

— Куда едет Сашка Егерь, там всегда интересно, — сказал он.

— Так что у тебя с глазом-то? — по пути настойчиво добивался правды собрат по литературному цеху, поскольку в конце декабря, причем не

СЕГЕНЬ Александр Юрьевич родился в 1959 году в Москве. Доцент Литературного института им. А. М. Горького. Прозаик и кинодраматург. Автор книг “Похоронный марш”, “Страшный пассажир”, “Державный”, “Русский ураган”, “Поп”, “Господа и товарищи”, “Митрополит Филарет” и “Алексий II” (серия ЖЗЛ) и многих других. Живет во Внуково.

солнечного, а вьюжного, человек в темных солнечных очках, как у спайдермена, выглядел весьма подозрительно.

— Ну что ты придолбался! — с неохотой открывая правду, проскрипел своим скрипучим голосом Сахалинцев. — Ну дома я не ночевал вчера и... сам понимаешь.

— Кулаком?

— Да нет, вот так вот наотмашь хряснула, а на пальце перстень. Который я сам же ей, дурак, и покупал на пятнадцатилетие свадьбы. Бровь рассекла. Кровища...

— Понятно. Высокие у вас отношения. Я имею в виду, что она тебе не в пах и не в коленку, а в бровь.

— Выше только лобешник, — мрачно усмехнулся Сахалинцев, и снова поглядел на свои часы, коими весьма гордился.

— А я вот терпеть не могу ничего на руке носить, — сказал Егерь. — Хорошо, что теперь мобильники есть, можно по ним время узнавать.

— А если зарядка кончится?

— Это ты прав, у меня, кстати, на последнем зубчике.

Настроение у обоих, даже несмотря на черные очки, становилось все лучше и лучше.

— “Романное время” должно неплохо проставиться, — сообщил Егерь. — Их какой-то банк взял под свое крыло.

— Банкиры эти... Народные кровососы. Не зря таких в семнадцатом... — Вид у Сахалинцева сделался еще более злоецим. И без того он был из тех красавцев, которые в фильмах обычно без жалости крошат других персонажей, а те воспринимают это как должное.

— Кстати, семнадцатый не за горами, еще семь лет, и... — развил тему Егерь, внешность у которого тоже была не ангельская, крутой затылок, тяжелая челюсть, но рядом с Сахалинцевым он выглядел добрым дядей, а в кино мог бы вполне удовлетвориться ролью того, кто заказывает человеку в черных очках очередное убийство.

— Во-во, мы еще покажем этим буржуям недорезанным! — хмыкнул спайдермен.

— Однако, водочка-то действует! — бодро воскликнул Егерь и процитировал известное изречение русского Конфуция — Виктора Степановича Черномырдина, настолько весело его шатало и расплывало в этой мутной и нереальной предновогодней действительности. — Что-то не могу припомнить, какая там именно Брестская...

С этими Брестскими по приезде на место и началась дьявольская путаница. На Маяковку поехали подземным транспортом.

— Такси ни в коем, — сказал Сахалинцев. — Еще больше развезет. — Я лично всегда в метро трезвею. Приедем, как стеклышки.

— То есть остекленевшие, — припомнил Егерь классику барда с Таганки.

В тот вечер погода задалась нелетная. Ледяной и одновременно влажный ветер шрапнелью колючего снега стрелял в лица двух друзей.

— Держись, Санек! — кричал Сахалинцев.

Егерь полез в карман за мобильником.

— Погоди, Серега!

— Что такое?

— Да я забыл, какая именно Брестская. То ли Вторая, то ли Третья.

— По-моему, вообще Четвертая.

— Нет, не Четвертая. Погоди.

Егерь набрал номер приятеля из “Романного времени”, приложил лдышку мобильника к окоченевшему уху.

— Алло! Андрюша, это мы. Мы уже подгребаем.

— Где вы, ёпэрэсэтэ! — прозвучал в лдышке горячий голос.

— Да мы уже мимо Владимир Владимировича прошли.

— Какого еще Владимир Владимировича? Путина? Вы что там, нажратые?

— Маяковского мы прошли! Андрюша, какая Брестская? Вторая или Третья?

— Ну вы и впрямь, как видно... — начал приятель, и на том его миссия завершилась.

— Блин! — крикнул Егерь ветру и снегу, а главное — льдышке. — Мобила, сволочь, села! Доставай свой мобильник!

— Нету, — мрачно ухмыльнувшись, сказал человек в черных очках.

— То есть?

— Я ее на днях потерял. Я, как напыюсь, всегда мобилку теряю. Или еще хуже — возму и в сугроб зашвырну зачем-то.

— Зачем, зачем! Чтоб жена не звонила! Пошли так, горе мое!

И они отправились дальше разгребать руками ветер снегопада. Егерь помнил, что надо с Брестской свернуть в первый двор, и там в каком-то углу будет скромная вывеска “Ресторан”, без каких-то иных условных знаков. Но когда продуваемые всеми невзгодами приятели свернули в первый двор, там можно было наблюдать любые подробности современной русской жизни, кроме ресторана. Кто-то дрался, кто-то смеялся, кто-то лаял, по всей видимости, собака, но никакая лобезная вывеска не предвещала продолжения веселья.

— Значит, Третья, — сказал Егерь.

И дальше началось нечто подобное тому, когда чорт украл с неба луну и щирые предки нынешних майданутых парубков шастали по предрождественской малороссийской пурге. Ветер становился все злее и злее, будто мстил двум клятым москалям за голодомор. Снег, словно изготовленный из колючей проволоки фабрики “Добрый гулаговец”, царапал им лица, ноги вязли в снежном крошеве и отказывались служить в качестве вездеходов.

— Ничо, зато протрезвеем, — ревел сквозь вьюгу Сахалинцев.

— В сугробе! — стучал зубами Егерь. Несмотря на длинное кожаное пальто, ему становилось все холоднее и холоднее, уши отваливались. Приятель и вовсе был в довольно легкой куртке, и его следовало первым в операционную, сразу на стол. В мареве пурги белое лицо Сахалинцева в черных очках светилось, как череп и кости на “Веселом Роджере”.

— О! — вдруг сказал Веселый Роджер. — Саня, мы спасены. Девушка! Девушка! Да куда же вы?

Но девушка оказалась весьма благоразумной, да и следовало быть полной дурой, чтобы откликнуться на зов человека в черных очках.

— Дура! — воскликнул прирожденный убийца.

— Умная, — засмеялся Егерь, удивляясь, что в нем начало просыпаться остроумие. — Глянь, Серега!

Они остановились перед какой-то витриной, в которой тускло светилось зеркало, и глянули на себя.

— Ни дать, ни взять, крупный мафиози со своим телохранителем.

— Еще ты в этом пальто похож на штумбарфюрера, — сказал Сахалинцев.

— Штурм-бан-фюрера, — поправил его Егерь. — О, я, кажется, трезвею. Могу такие слова произносить.

— Молодой человек! Сто рублей даю! Одну минуту с вашего мобильного позвонить!

— Этот тоже не враг себе.

И они снова двинулись искать в снежной разноголосице Брестских улиц тот заветный дворик с вывеской “Ресторан”, сулящей тепло, спасение, жизнь.

— Слушай, Сань, это, кажется, уже Восьмая Брестская.

— Какой-то патриот-белорус строил тут дома.

— Козел он, а не патриот! Неужели нельзя было назвать одну улицу Брестской, другую Минской, третью Литовской, четвертую Шауляйской?

— Пятью — Шаляйваляйской. Вообще-то, этих Брестских только четыре.

— Но мы уже ходим целый час в этих четырех Брестских соснах!

— Зато трезвые, как сволочи.

Неожиданно нарвались на врага самому себе. Какой-то добрый и не пуганный гражданин подверг свой мобильник риску и даже отказался от предложенных ста рублей. Но счастья это не принесло.

— Надюш, Надюш, не бросай трубку, пожалуйста! — заговорил Сахалинцев, изыскивая в своем скрипящем голосе не самые царапающие нотки. —

Мы тут с Саней Егерем не можем на конференцию попасть. Ее Андрюха Точкин организует. У тебя ведь, кажется, есть в твоём мобильнике... Ну зачем же так!.. Мы тут замерзнем на фиг!.. Спасибо большое, извините за беспокойство. — Он горестно вернул средство связи неосмотрительному прохожему.

— Что она тебе сказала? Шедевр ораторского искусства?

— Сказала: “Катись к той, у которой ночевал”. Но ведь речь шла не об этом.

— Сочувствую. Скорее всего, ты ночевал у Снежной Королевы. Она вот-вот распахнет нам свои объятия.

И несчастные штурманфюреры, как некогда под Москвой и Сталинградом, снова пустились месить ногами коварный русский снег, разгребая руками безжалостную пургу.

И вдруг снова:

— Саня! Мы спасены!

В очередном дворе они увидели... Нет, не вывеску “Ресторан”. Двоих официантов. Эти два ангела в черных брюках и белоснежных сорочках, на которые под горло приземлились синие бабочки, стояли на крыльце и курили.

— Саня, я все понял! Надо было не от Маяковки, а от Белорусской площади топать.

— Судя по местонахождению, да. Здравствуйте, мы к вам.

— Здравствуйте. — Оба официанты подчеркнуто вежливо вытянулись вверх на своих ангельских крылышках, но из-за упитанности не смогли взлететь. — Вас там уже заждались.

— Еще бы! — воскликнул Егерь и вдруг ощутил, как от нахлынувшего счастья в него бурным потоком стало возвращаться мощное опьянение.

— А где ваша машина? — спросил один из официантов, распахивая перед обмороженными эсэсовцами дверь.

— Сломалась, — махнул крылом Егерь. — Фигня, ща позвоним, новую купим.

Тепло-о-о! Оно распахнуло свои объятия, как сделал бы рай, если бы Господь Бог вдруг отменил приговор Адаму и Еве и добродушно позвал их обратно. Егерь и Сахалинцев полными легкими вдохнули в себя спасительную смесь из запахов пищи и сигаретного дыма, валившего им навстречу из огромного зала, в котором застолье шумело так, как может оно шуметь на третьем часу своего течения.

— А вот и мы! — воскликнул Егерь, на секунду заглянув в пасть развеселого пиршества.

— Урррраааа!!! — закричала пасть. — Наконец-то!!! Скорее!!!

— Слава тебе, кончилась чертовщина, — проскрипел Сахалинцев, вместе с приятелем подходя к гардеробу и с трудом стягивая с себя куртку окоченевшими пальцами. Тотчас к ним подбежали услужливые служащие, помогли освободиться от верхней одежды, повели в спасительный зал.

Опьянение, казалось бы, навсегда ушедшее во время блуждания по Брестским улицам, теперь навалилось с чудовищной силой, да так, что у Егеря в глазах стало, будто его поместили в аквариум. Черные очки Сахалинцева и вовсе ничего не видели, потому что вмиг в тепле запотели, а снять их и протереть Серега стеснялся — сил не было придумывать героическую историю получения блямбы под бровью.

Столы стояли буквой П. Вдалеке за верхней перекладиной нетрудно было различить, хоть и распылчато, Андрюху Точкина. Рядом сидел некто, похожий на знаменитого актера Божкова, сыгравшего стержневые роли в таких эпохальных фильмах, как “Миллионер” и “Форточник”. Приятно, что и Андрюха, и этот псевдо-Божков встали и дружескими жестами поприветствовали Егеря и Сахалинцева, скрестив кулаки и помавая ими над головой, как бывало делали члены политбюро ЦК КПСС, стоя на трибуне Мавзолея во время демонстраций.

Новоприбывших посадили на правой ноге буквы П, тотчас прильнули официанты:

— Чего изволите?

Пьяная наглость, поселившаяся в Егере, ответила:

— Водки самой лучшей, сразу стакан. Икру. Сигару.
— Икру какую?
— А что, есть и черная?
— Имеется.
— Ее.
— Сигару какую?
— “Ромео и Джульетта” есть?
— В больших количествах.
— С ума сойти.
— Мне все то же, что ему, — мрачно произнес убийца в черных очках. — Видать, и вправду банкиры, блин.

Когда через минуту перед ними образовалась бадейка черной икры, в бокалы полилась серебром водка, а по правую руку возникли пепельницы и квадратные блюдечки с кубинскими сигарами, стало окончательно ясно, что они оба уснули в сугробе, и все это — лишь блаженный предсмертный бред. Тем не менее, и в бреду человек способен чокнуться с приятелем, махнуть полный бокал водки и закусить черной икрой. Оп-па! Нет, погодите...

— За наших самых долгожданных гостей! — воскликнул похожий на Божкова, опрокинул в себя изрядную порцию напитка и скомандовал: — Здравную цыганскую!

И все застолье вмиг разразилось лихим и громогласным:

*Хор наш поет припев старинный,
Вина полились рекой.
К нам приехал наш любимый
Александр Палыч дорогой.
Саша, Саша, Саша!
Саша, Саша, Саша!
Саша, Саша, Саша, Саша,
Саша — пей до дна!
Пей до дна, пей до дна, пей до дна!*

И, выливая в себя стакан водки, Егерь со смехом подумал: “Вот дураки! — я же Юрьевич!” Тотчас он приземлился на стул, схватил кусок лаваша, густо намазал его черной икрой, закусил. Точно, черная, и не поддельная, а самая настоящая, астраханская, милая наша, забытая-перезабываемая. Будто ушедшая молодость вдруг заглянула, чтобы проведать, как ты тут, в своей зрелости.

— Охренеть! — сказал Сахалинцев. — Сто лет ее не ел.

— Да? — развалился на стуле, с презрением спросила поселившаяся в Егере наглость. — А я каждый день ее жру. Надоела. Хочу чего-нибудь с трюфелями.

— С трюфелями у нас есть бланбидюль, — тотчас прожурчал под ухом любезный голос официанта.

— Валяйте ваш бланбидюль, — заявила наглость.

— Простите, а вас как величать? — спросил Андрюха, обращаясь к Сахалинцеву.

— Ну ты даешь! — воскликнул Егерь. — Это же Серега Сахалинцев. В очках, что ли, не узнал? Видать, уже крепко накатил.

— А по отчеству?

— Сергеич.

— За нашего второго гостя! — произнес Андрюха, и Егерь вдруг усомнился, а Андрюха ли это?

Хор снова запел припев старинный, вина полились рекой, к нам приехал наш любимый Сергей Сергеич дорогой... И так далее, до дна.

— Надо было мне сразу свое отчество Точкину напомнить, — проворчал Егерь, махнул, но теперь только полстакана, по-видимому, великолепной, но какой-то безвкусной водки, снова закусил черной икрой, а ему уже и бланбидюль подали. И тоже какая-то безвкусная, эта бланбидюль. Нет, лучше и дальше черненькой закусывать, пока дают.

— До чего же этот хмырь рядом с Андрюхой на артиста Божкова, — толкнул Егерь Сахалинцева.

— Ты только не падай со стула, — мрачно отозвался спайдермен. — Это и есть Божков.

— В смысле?

— А рядом с ним не Андрюха Точкин, а режиссер Дерюжкин.

— Дерюжкин?

— Ну да, который “Подробности русской бани”.

— Погоди, Серега... Но...

Егерь стал внимательно всматриваться и теперь уже точно видел, что во главе стола сидят Божков и Дерюжкин, известные люди отечественного кинематографа.

— Пипец! Мы не туда попали, — все больше мрачней, сказал Сахалинцев.

— Да не может этого быть!

Хорошо, что играла музыка, и никто не слышал, как двое представителей литературы медленно вслух постигали реальность.

— Звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас, — сказал философ Кант, на секунду присевший неподалеку и тотчас растаявший в своей философской вечности.

С величайшими трудностями отодвигая плечом опьянение, Егерь продолжал всматриваться в то, куда они попали. На крыше буквы П и впрямь сидели знакомые по экранам актер Божков и режиссер Дерюжкин, их облепливали и облапливали пьяные киномузы, целовали их, шептали им что-то на ухо. Много мест на левой и правой ноге буквы П пустовало, поскольку то, что должно было быть пустые места заполнять, теперь танцевало под грохочущую музыку.

— Нас приняли за каких-то богатых спонсоров, — произнес мрачный Сахалинцев. — А если придут настоящие, нам кобздец.

— Не гунди, я уже и без тебя все понял, — ответил менее мрачный Егерь. — Как бы то ни было, перед смертью черной икры нажремся.

— Надо лиять.

— Брось ты. Судя по всему, они меня принимают за босса, а тебя за телохранителя. Ты же хотел в кино сниматься. Пойдем, я тебя представлю элите современного кино. Попрошу за тебя.

— Дурак.

— Отчего же? Будешь играть суперкиллера. Он ходит по завьюженной Москве, просит мобильники и убивает, убивает...

— Лиять, говорю, надо.

— Икру доедим, и слиняем.

— Поздно будет. Санек!

— И как ты через свои очки все первым увидел?

— Санек, очухайся. Лиять! Мы деловые люди, нам подолгу нельзя засиживаться. Нас ждут партнеры, чемоданы с баксами.

Егерь хорохорился, но белка испуга суетливыми прыжками все же проскакала по его веткам. И от этого почему-то забурлило в животе.

— Что-то у меня газы... От икры, что ли?

— Чего?

— Я говорю, у меня в животе опера Пуччини.

— Какая именно?

— “Филио пердугто”.

— А разве такая есть? А, понял. Сходи в тубзель.

Егерь устремился к туалету. Но дойти до него не смог. Его вдруг подхватила одна из танцующих:

— Разрешите потанцевать с вами?

И дерзко закружила его в танце. Танцуя с ней, он озирался по сторонам.

— А почему у вас девушки танцуют отдельно, а мужчины отдельно?

— Потому что это не мужчины.

— В смысле?

— В определенном. У вас, в вашей отрасли, должно быть, такого не бывает.

— Какого? А, понял. Что, неужели и впрямь?

— А вы как думали! Да нет, шучу, не все. Но частично.

— По-моему, это противно.

— По-моему, тоже. Но в нашей среде к подобному привыкли. Вот вы, сразу видно, мужчина. О вас ничего такого не подумаешь. Скажите, вы — нефть?

— Я? Нефть?

— Ну да, так вроде бы о вас говорили.

— Что ж, и нефть, и газ, и черная икра... Но в данный момент я в большей степени газ, — ответил Егерь.

С трудом дотанцевав, он попросил извинить его и устремился в тубзель. Там заперся в камере, в которой не было ни кровати, ни стула, а лишь один унитаз. Избавляясь от оперы Пуччини, Егерь беспшашно размышлял о том, что если появятся настоящие, как-нибудь все сойдет с рук, ну не все же бандюки сразу везут таких, как они, заливать цементом и ставить в качестве одной из стен новостройки, которую столь вождельно ждут вкладчики-дольщики, изнывающие под игом ипотеки. Ну, поржут, потом прогонят. Вынесут и — раз-два-три — швырнут в московские сугробы.

Кто, блин, придумал эти Брестские! Вот бы накостылять тому белорусу!

Выйдя из мест временного заточения, Егерь наткнулся на очередного услужливого служителя.

— Позвольте вам показать, там для вас приготовлены подарки, — сказал он шоколадным голосом и повел Егеря еще куда-то. За открывшейся там дверью писатель увидел стойку бара, высокие стулья с круглыми сиденьями, и сидящих на тех вращающихся стульях девушек разного сорта, но одного и того же предназначения.

— Вот, — сказал обладатель шоколадного голоса. — Можно в любое время. Здесь есть специальные помещения. Качество — супер-евро.

Девушки тоже стали вращаться, поворачиваясь фасадами в сторону высокого гостя, улыбаясь ему, как будто попали в передачу “Жди меня” и их неожиданно нашли.

— За кого вы меня принимаете! — решительно отсекся от греха Егерь.

— Понимаю, не сейчас, — сказал служитель. Возможно, сутенер. — Позже.

— И позже тоже. Можете объявить классу, что урок окончен. Пусть идут домой делать уроки.

Оставив за спиной разочарованного торговца живым товаром, мнимый заправила газовыми богатствами страны отправился искать своего телохранителя.

— А вот и он! — воскликнул Сахалинцев, предлагая Егеря актеру Божкову и режиссеру Дерюжкину. Они стояли на фоне танцующих и, видно, ожидали его, желая что-то перетереть. — Позвольте вас познакомить с моим боссом.

— Очень приятно, — пожал Божков руку Егерю.

— Рад с вами познакомиться, — пожал Дерюжкин.

— Александр Павлович, вы нас извините, — ласково произнес Божков. — Нам пора ехать. Вы привезли?

— Деньги? — догадался Егерь. Не зря все-таки инженер человеческих душ. Он сунул было руку во внутренний карман пиджака, где лежало портмоне с тремя тысячами рублей, но мгновенно спохватился, что речь, очевидно, идет совсем об иных суммах, которые приезжают в чемоданчиках, их открывают с приятным щелчком, там обнажаются зеленоватые пачки с одним из первых американских президентов, или лиловые пятисотенные еврики в кубиках, запечатанных в прозрачную пленку. Эту пленку взрезают ножом, берут на кончик ножа крошечную горстку, далее — на язык, пробуют, важно кивают: настоящие.

— Простите, но мы, кажется, договаривались, что завтра подвезут прямо в ваш офис, — от фонаря забормотал Егерь, но наглость взяла слово вместо него: — Вы что же это, голубчик! Не солидно как-то, знаете ли.

— Завтра? — спросил Дерюжкин и жалобно заморгал глазами на Божкова.

— Хм... — замылся великий актер современности. — Простите. Вероятно, и впрямь какая-то недопонимаемость.

— Посерьезнее надо относиться к таким делам, милый мой, — продолжала наглеть наглость. — Суммы-то немалые. А вы, как я вижу, привыкли все нахватом брать.

Егерь глянул на своего телохранителя и увидел, как у Сахалинцева едва не свалились с бледного лица черные очки.

Божков внутренне возмущился, и видно было, каких трудов ему стоило не швырнуть в морду нового русского что-нибудь неслыханно дерзкое и столь же непоправимое.

— Я понял. Приношу свои извинения. — Играя по-киношному желваками, промолвил он.

— Извинения... Стойно вам, деятели культуры, — продолжала наглость. Такого от нее Егерь и сам не ожидал. — Просите немереное баблище, да еще ставите тут свои условия. Вот захочу... Ладно, не бойтесь, гражданин Смоктуновский, я пошутил. — И безудержная наглость размашисто похлопала Божкова по плечу.

— Лестно, — зло, сдерживая себя, произнес Божков.

— Что лестно?

— Что вы меня со Смоктуновским сравнили.

— И, кстати, я не Александр Павлович, а Александр Юрьевич.

— Простите, но на вашей визитке, которую мне передали...

— Мало ли что там на визитке! Так надо.

— Значит, завтра?

— Мое слово — закон.

— В таком случае, разрешите нам откланяться.

— Не при царях живем, чтобы кланяться тут. Давайте быть проще. Айда на посшок дерябнем.

— Извольте. — Видно было, что смелый артист едва сдерживается, чтобы не начистить новое русское рыло. Он с Дерюжкиным и Сахалинцев с Егерем подлыбли к поляне.

— Я сам налью, — сказал Егерь, взял бутылку водки и налил по полному стакану Божкову и Дерюжкину. Взял другую и наполнил себе и Сахалинцеву. — И без закуски, товарищи. Предлагаю выпить за нефть и газ! До дна. По полному стакану. И за черную икру!

И он стал медленно переливать в себя стакан водки. С ненавистью глядя на него, Божков тоже вышел. Дерюжкин поперхнулся на полстакане. Сахалинцев, молодец, справился безупречно. Но жалобно спросил:

— Точно, что без закуси?

— Точно! — рявкнул Егерь. — А вы, режиссер, допейте, допейте. До дна. Как там в вашей цыганской.

Дерюжкин беспрекословно выполнил требование мнимого спонсора.

— Ну вот, а теперь можете нас покинуть.

— Всего доброго, — пробормотал Дерюжкин, протягивая руку, но наглость махнула крылом: вали уж, мол, так, без дурацких этих рукопожатий.

— Ждем завтра. Всего доброго, — произнесли злые желваки, и оба кинематографиста покинули арену цирка.

— Ну ты даешь, парень! — глядя им влед, восхитился Сахалинцев. — Даже от тебя не ожидал такого. Нам, брат, тоже пора валить. Я, представляешь, после этого стакана за нефтегаз трезветь начинаю.

— А ты как думал, — отозвался Егерь уже откуда-то из убегающего от него пространства и времени.

— Ты закуси, Сань, закуси, — видя, как на глазах обмякает приятель, всполошился спайдермен.

— Танцевать! Танцевать! — тотчас спрыгнула к ним откуда-то с лиан та обезьянка, которой Егерь сообщил, что он газ. И музыканты громко заиграли, и все закружилось в танце, в котором было так весело и одновременно страшно.

— Педики! — кричал Егерь юношам.

— Педики, — весело кивали те, будто в них угадали геологов или строителей Братской ГЭС.

И как совсем еще недавно пробирались сквозь пургу, так теперь Егерь и Сахалинцев раздирали тайгу танцевального марева, плясали весело и тревожно, отплясывали за нефть и газ.

— Саня, пора рвать когти, — время от времени орал в ухо приятелю Сахалинцев, но сам при этом никуда не спешил, что-то вкрикивая сквозь музон приглянувшейся ему актриске.

— Мы с моим боссом прошли и Крым, и Рим, и Кагалым, — слышал Егерь голос Сереги. — А скоро вся нефть наша будет.

— И газ! — добавлял Егерь. А наглость теперь уже шла на попятную и заклинала его: — Вали отсюда, Сашуля, вали, милый!

Потом сидели за столом, и Сахалинцев рассказывал:

— Босс посылает меня к должникам. Я обычно просто прихожу, смотрю на них и спрашиваю: “Вы всё поняли?” Потом снимаю очки, дышу на стеклышки, протираю и снова надеваю. Потом медленно разворачиваюсь и медленно ухожу. А к вечеру должок уже на столе у босса.

— А снимите очки!

— Не положено. Только в исключительных случаях.

И снова танцевали. И снова уговаривали самих себя, что пора, давно пора валить отсюда.

И потом — как и полагается по замыслу великого творца комедии “Ревизор” — немая сцена. Но совершенно в новой режиссерской трактовке. Сквозь пьяное сознание до Егеря дошло, что приехали настоящие. Точнее один. Довольно воспитанный мужчина, он потирал ручки в предвкушении встречи с представителями творческой кинематографической элиты. И вовсе не кабан какой-нибудь, а вполне даже интеллигент. А Сахалинцев, в общем-то человек добрейшей души, стоя перед ним в позе Шалыпина, объявлял:

— А я тебе говорю: катись к той, у которой сегодня ночевал!

— Я не понял, вы, кажется, пьяны и зачем-то стоите тут передо мной. А где господин Дерюжкин и господин Божков?

— Господа все за границу сбежали. Не за горами семнадцатый год! — говорил голос Егеря, словно отдельно от своего владельца.

— Вот именно, — рычал Сахалинцев. — И ты проваливай! Скоро таких, как ты, всех расстреляем.

Потом помнилось, как они схватили у гардеробщика кожаное пальто до пят и продуваемую куртку, накинули это на себя — метель нам ни по чем! — вышли из спасительного тепла, увидели, как матерый бритоголовый убийца направляется к ним навстречу. И бежали, бежали, бежали, сквозь пургу, сквозь сорок тысяч Брестских улиц, мимо памятника Маяковскому, как миноносец с миноносцей, и лишь на эскалаторе метро, оглянувшись и не видя страшной погони, смогли выдохнуть:

— Ну, ё-о-оперный театр!

— Кажись, спасены! Босс!